

Укрепление западного форпоста

Мобилизация в белорусских губерниях Российской империи в начале Первой мировой войны

Михаил СМОЛЬЯНИНОВ,
кандидат исторических
наук, доцент

Белорусская земля, так же как и Малороссия, Царство Польское, Лифляндия и Курляндия, являлась западным форпостом Российской империи, и в первые же дни войны здесь было объявлено военное положение. Начала проводиться мобилизация в русскую армию, новобранцы пополняли дислоцировавшиеся тут части и соединения, из них также формировались новые войсковые подразделения, которые сразу же выдвигались в места боевых действий, развернувшихся от берегов Балтики до Черного моря.

Следует отметить, что телеграфное сообщение из Петербурга о «высочайшем повелении призвать чинов запаса и ратников ополчения первого разряда с поставкой лошадей и повозок с упряжью, согласно мобилизационному расписанию 1910 года», поступившее вечером 17 июля 1914 года (здесь и далее даты указаны по старому стилю. – *Авт.*), не застало врасплох белорусские губернские и уездные власти. Еще 11 марта 1912 года минский губернатор Яков Эрдели под грифом «Совершенно секретно. Циркулярно» сообщал полицмейстерам и уездным исправникам губернии о том, что «по подготовительным работам учреждений Красного Креста и воинских частей, квартирующих в гор. Минске, можно предположить, что политический гори-

зонт омрачен некоторыми разногласиями соседних с нами государств и что, при всем нежелании войны, наша империя может очутиться в таких условиях, при которых нельзя будет уклониться от военных действий». Губернатор предписал полицейским властям «немедленно дополнить, поправить, сличить и согласовать все свои подготовительные работы (по мобилизации. – *Авт.*)... с работами местных уездных по воинской повинности присутствий, приняв меры к тому, чтобы эти работы... находились в полном порядке» [1, л. 30].

Оперативное пополнение

Таким образом, в западных округах еще в 1912 году была начата работа по уточнению и совершенствованию мобилизационных планов, отрабатывались временные рамки мобилизации запасных нижних чинов и ратников ополчения, оповещения их путем проведения «пробных» мобилизаций. Полицейские на местах собирали сведения «о наличном числе годных для войск лошадей, повозок и комплектов упряжи», по их данным по каждому военно-конскому участку составлялись «расписания для правильного распределения по частям войск в зависимости от времени доставки их на сдаточные пункты» [1, л. 12].

ОБ АВТОРЕ

СМОЛЬЯНИНОВ Михаил Митрофанович.

Родился в 1940 году в д. Плоская Вершина Добринского района Липецкой области (Россия). В 1970 году окончил Минский государственный педагогический институт имени А.М. Горького.

С 1970 года – старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси.

Кандидат исторических наук (1977), доцент (2010).

Автор 4 монографий и более 70 научных статей, соавтор 4 коллективных книг.

Сфера научных интересов: история Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций на территории Беларуси.

Благодаря соответствующей подготовке, губернские и уездные власти оперативно отреагировали на сообщение о мобилизации. Например, минский полицмейстер, получив телеграмму вечером 17 июля, в течение двух часов нарочными разослал участковым приставам города заранее подготовленные «особые красные конверты с объявлениями для населения и личного оповещения мобилизуемых». По распоряжению Минского уездного воинского начальника началась организация сборного пункта, освобождались места для временного расквартирования [2, л. 19, 20].

В Минске признанные годными к службе чины запаса поступали на пополнение расквартированных в городе подразделений 4-го армейского корпуса, 30-й и 76-й артиллерийских бригад, 30-го паркового артиллерийского дивизиона, 30-й пехотной дивизии, 119-го Коломенского и 120-го Серпуховского пехотных полков. На территории Минской губернии новобранцами комплектовались 40-я артиллерийская бригада (дислоцировалась в Несвиже), 107-й Троицкий и 108-й Саратовский пехотные полки (Речица), 6, 9, 10-й железнодорожные батальоны (Барановичи), 302-й Суражский пехотный полк и 12-й обозный батальон (Бобруйск) [2, л. 24, 30–49; 3, л. 127, 130, 176, 204].

Как видно из донесения губернатора Витебской губернии в Министерство внутренних дел, «объявленная мобилизация, благодаря подробной разработке мобилизационных планов и детальному ознакомлению с ними лиц», непосредственно руководивших мобилизацией на местах, «прошла успешно» [4, л. 9]. «Витебскими призывниками» комплектовались 25-я и 43-я артиллерийские бригады, 99-й Ивангородский, 100-й Островский, 106-й Уфимский и 114-й Новоторжский пехотные полки, 5-й железнодорожный батальон [5, л. 1, 2].

Организованно проходила мобилизация и в Гродненской губернии. Из местных новобранцев комплектовались 2-й и 19-й армейские корпуса, 26-я и 75-я артиллерийские бригады, 17, 26, 38 и 58-я пехотные дивизии, 102-й Вятский, 171-й Кобринский, 172-й Лидский пехотные полки, 3-й обозный и 4-й саперный батальоны, другие части, а также подразделения гарнизона Гродненской крепости [3, л. 88, 201, 276, 322; 6, л. 127, 146]. В Могилевской губернии формировалась 30-я артиллерийская

бригада (Быхов), 11-й обозный батальон (Чаусы) и др. [3, л. 90].

В ряде уездов после укомплектования дислоцировавшихся там войсковых частей на сборных пунктах оказался излишек мобилизованных. Об этом сообщали в штаб округа уездные воинские начальники из Минска, Борисова, Бобруйска, Игумена, Мозыря, Речицы, где в общей сложности на 24 июля насчитывалось около 4500 «невостребованных» мобилизованных [7, л. 10, 12, 13, 20]. Причем их численность продолжала увеличиваться. Вот что об этом, например, сообщал из Речицы подполковник Саркисов: «Прибывают отставшие. Излишек по всем категориям увеличивается» (на 26 июля он составлял более 2000 человек. – *Авт.*). Офицер был озабочен их размещением, просил «спешный наряд на большее количество, чтобы избежать задержки запасных на сборном пункте», так как «сборный пункт для ратников и запасных тесен» [7, л. 20].

В ответ на тревожные телеграммы начальник штаба округа распорядился «излишки пока задерживать при управлениях для пополнения недоукомплектованных еще строевых частей». В соответствии с этим распоряжением уже в ночь на 24 июля из Бобруйска была отправлена «команда излишков» в 500 человек на комплектование 171-го Кобринского пехотного полка в Гродно, из Речицы около 300 человек отправлены в Сувалки [7, л. 24, 31].

Гражданское ополчение

В соответствии с «Положением об устройстве Государственного ополчения», объявленным приказом № 446 по Военному ведомству 23 июля 1914 года, на шестой день мобилизации началось формирование дружин ополчения. Оно проводилось после того, как в основном были сформированы части и подразделения действующей армии.

Ополчение делилось на два разряда. К ратникам 1-го разряда относились лица до 38 лет, имевшие льготы от призыва в войска. Сформированные из них дружины несли гарнизонную службу в пунктах размещения войсковых частей, отправляющихся к театру военных действий, направлялись на охрану железных дорог и коммуникаций оборонного и стратегического назначения, для службы в крепостях, а также пополняли

войска действующей армии через запасные батальоны.

В ратники ополчения 2-го разряда зачислялись лица, получавшие отсрочки при ежегодных призывах в армию, а также уволенные из частей войск по негодности к строевой службе, но способные носить оружие. Данная категория ратников после обучения также привлекалась к несению караульной службы, выполнению других служебных обязанностей, но их не направляли на пополнение частей действующей армии.

На командные должности в подразделении Государственного ополчения назначались «обязанные службой в ополчении лица офицерского звания» по кандидатским спискам, составленным в мирное время главным управлением Генерального штаба (ГУГШ), а командирами конных сотен, саперных полурот, рабочих рот, начальников отдельных команд – уездными воинскими начальниками по согласованию со штабами военных округов [8, л. 4].

По неполным данным, в белорусских губерниях к началу августа 1914 года было сформировано 52 дружины государственного ополчения, 5 конных сотен и 5 рабочих рот. Только в Минской губернии в соответствии с мобилизационным расписанием необходимо было сформировать 23 дружины и 3 конных сотни [1, л. 9]. Численный состав дружины, как правило, не превышал 1 тыс. человек.

При формировании ополченских частей возникали сложности с назначением на командные должности, особенно низшего звена. О недостатке офицерских чинов, например, в штаб округа телеграфировали из Минска, Мозыря, Речицы, Игумена, Слуцка, Борисова, Лепеля, Новогрудка, Пинска, Гродно, Бобруйска, Мстиславля, Чаус, Черикова, Быхова [9, л. 71, 240–339]. После этого ГУГШ распорядилось призвать всех отставных офицеров, «не перешедших предельного возраста», «если их зачисление в ополчение не противоречит установленным требованиям», а также принять на учет и зачислить в ополчение всех офицеров, перешедших предельный возраст, но годных к службе по состоянию здоровья и пожелавших добровольно служить в ополчении [9, л. 34]. Именно эта мера способствовала положительному решению данного вопроса, так как появилось много добровольцев –

▲ Тяжелая позиционная артиллерия. 12-я армия Северного фронта. Сентябрь, 1915 год

старших и младших офицеров, желавших служить в ополчении. И уже 17 августа минский губернатор Алексей Гирс сообщал начальнику штаба военного округа, что «во всех ополченских частях командиры имеются» [9, л. 593].

Определенные трудности возникали и при экипировке ополченских частей. Согласно мобилизационному расписанию, обмундирование и снаряжение они должны были получать от назначенных для каждой из них воинских формирований при выправлении последних к местам боевых действий. Однако из-за «экстренного» выступления войск оставшееся обмундирование не было передано дружинам, а оказалось запертым в цейхгаузах (складах), которые были вскрыты только по распоряжению главного начальника снабжения армии специально созданными комиссиями. Годное обмундирование, снаряжение и принадлежности для обоза немедленно передали ополченцам. Но этого оказалось недостаточно. Последовал целый ряд обращений в штаб военного округа из Минска, Могилева, Гродно с просьбой отдать распоряжение о дополнительном отпуске обмундирования [9, л. 391, 405].

В сложившейся ситуации имели место и случаи, когда командиры ополченских частей снаряжали личный состав за свой

счет. Так, например, поступил командир 400-й Минской дружины полковник Киряков. Он, «помня присягу и долг выступить в поход 9 августа» из Бобруйска, обмундировывал дружину за свой счет. Сообщая об этом командующему 1-й армией генерал-адъютанту П. Ренненкампу, он просил «приказания выслать деньги», так как «свои наличные были уже истощены совершенно» [9, л. 34].

Мобилизация гужевых средств, упряжи и лошадей производилась одновременно с пополнением и формированием войсковых и ополченских частей. Здесь также возникли определенные сложности: неполной была поставка лошадей, не хватало повозок, седел и сбруи. Требовались дополнительные закупки. И основными поставщиками недостающего стали частные хозяйства, главным образом помещиков, крестьян и горожан [2, л. 62–68; 10, л. 6, 33, 118–130].

Поставка технических средств – автомобилей и мотоциклов на сдаточные участки производилась с 21 по 26 июля по заранее составленным учетным спискам помещиков, купечества, мещан. Однако количество «мобилизованного транспорта» было незначительным. Например, на сдаточные пункты в Гродно поступило 29 автомобилей и 7 мотоциклов; в Минске – 28 автомобилей и 13 мотоциклов. Распределялись данные технические средства, как правило, в штабы управления войсками [2, л. 103–136; 11, с. 48–52].

В ходе мобилизации имели место случаиклонения от призыва, особенно среди лиц иудейского вероисповедания. Они уезжали в тыл, не являлись на сборные пункты, прибегали к умышленному членовредительству [12, л. 208, 611; 13, л. 29, 94]. Кроме этого, в первые дни мобилизации наблюдались факты социально-классового антагонизма, выразившиеся в насильственных акциях мобилизованных крестьян по отношению к помещикам. В определенной степени недовольство новобранцев было вызвано и запретом на продажу спиртных напитков, закрытием казенных и частных лавок в местах расположения сборных пунктов и по пути следования мобилизованных. Это выливалось в беспорядки, сопровождавшиеся погромами винных лавок, особенно там, где местные власти не были к этому подготовлены. Например, в Лепельском уез-

де Витебской губернии не всегда имелись подводы для перевозки мобилизованных, не обеспечивалось сопровождение колонн новобранцев полицией. Погромы помещичьих имений и винных лавок происходили в Мозырском, Новогрудском, Игуменском и Сенненском уездах. Всего же за период с 19 по 25 июля в белорусских губерниях призывниками с участием местных крестьян было разграблено 43 помещичьих имения, 2 фольварка, 67 винных и продовольственных лавок и складов [14, с. 95]. Для наведения порядка власти принимали экстренные меры, вплоть до применения оружия [2, л. 28; 15, л. 41]. Только в Мозырском уезде около 90 человек были заключены в тюрьму, один по приговору Минского военного окружного суда был казнен. Часть погромщиков, которые успели уйти в войсковые части, также привлекались к ответственности полевым судом и командующим 1-й армией генералом Ренненкампом. В частности, четыре обвиняемых были повешены [2, л. 28; 16, с. 759–761].

Войсковые соединения и части, дислоцировавшиеся на территории белорусских губерний, пополненные призывниками согласно штатам военного времени, влились частично в состав 1-й армии (командующий – генерал П. Ренненкампф) и 2-й армии (генерал А. Самсонов), образовавших Северо-Западный фронт (генерал Я. Жилинский), направленный против германских войск, сосредоточенных в Восточной Пруссии. Вторая часть войск с крепостью Брест-Литовск вошла в состав 5-й армии (генерал П. Плеве) Юго-Западного фронта (генерал Н. Иванов), противостоящих войскам Австро-Венгрии.

Дружины государственного ополчения согласно мобилизационному расписанию было намечено распределить следующим образом: 10 из них прикомандировывались к 1-й армии, 9 – к 2-й, 5 – к 4-й, 5 – к 5-й и 1 – к 8-й армии. 14 дружин были отданы в распоряжение начальника Минского военно-окружного управления, 7 дружин – его коллеги из Двинского военно-окружного управления [17, л. 120–192].

Транспортные неувязки

Еще в период сосредоточения армий в Ставке Верховного главнокомандующего (генерал-адъютант великий князь Николай

Николаевич) назревало решение о скорейшем переходе в наступление обоих фронтов с целью поддержки французов ввиду готовившегося против них главного удара германцев. Начало наступления на Северо-Западном фронте наметили к четырнадцатому дню мобилизации, что отвечало сроку, установленному военной конвенцией с Францией, а на Юго-Западном фронте – на девятнадцатый день мобилизации. Но к этому времени могла быть развернута только $\frac{1}{3}$ русских войск, при почти полной неготовности тыловых учреждений обеспечить длительное наступление [18, с. 69–70].

Следует сказать, что по причине недостаточной развитости сети железнодорожного сообщения в Российской империи пополнение войск мобилизованными, их выдвижение в места развертывания значительно затягивалось. Имели место случаи, когда на укомплектование частей, дислоцировавшихся на территории белорусских губерний, не прибывало пополнение из центральных и других отдаленных губерний. Так, например, на укомплектование 9-го железнодорожного батальона в Барановичи не прибыли две партии новобранцев: Мелитопольская – 118 человек и Самарская – 100 человек [3, л. 184]. В 12-й обозный батальон, формируемый в Бобруйске, не поступило 610 человек из польского Ченстохова. Сообщая об этом в штаб Двинского военного округа, уездный воинский начальник просил разрешения дать людей в обозный батальон из «излишка запасных разных категорий», которых насчитывалось 700 человек, и оно было получено [3, л. 235].

Еще сложнее обстояли дела с переброской войск из Сибирских военных округов и Приамурья. Об этом сообщалось Главным штабом из Петрограда по «прямому проводу», «секретно» в Ставку Верховного главнокомандующего: «Вследствие разницы пропускной способности железных дорог к западу и к востоку от Байкала на четыре пары и учитывая важное значение прибытия эшелонов с пехотой в район театра военных действий, направил одновременно с 1-м Сибирским корпусом 12-ю и 14-ю Сибирские дивизии с их артиллерией» [19, л. 126]. Из-за слабой пропускной способности случилось значительное скопление войск, нарушился порядок их продвиже-

ния по Восточно-Сибирской железной дороге: половина 1-го Сибирского корпуса, 13-я Сибирская дивизия, Забайкальская казачья бригада; затем вторая часть 1-го Сибирского корпуса, 12-я и 14-я Сибирские дивизии. Это, в свою очередь, повлекло непоследовательность прибытия 5-го Сибирского корпуса, одна дивизия которого уже проследовала, а 6-я должна была следовать только после 6-го Сибирского корпуса [19, л. 126].

Создавшуюся путаницу командование объясняло «стремлением скорейшего направления на запад эшелонов» с войсками. Таким образом, дивизии сибирских корпусов начали прибывать на фронт только в октябре, когда войска Северо-Западного фронта, в состав которых были направлены соединения и части, дислоцировавшиеся и пополненные призывниками на территории белорусских губерний, уже перешли в наступление и вели боевые действия в Восточной Пруссии. Соединения и части (19-й армейский корпус), влившиеся в состав 4-й и 5-й армий Юго-Западного фронта, вели сражения на территории Польши и Галиции. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 300. – Оп. 1. – Д. 31.
2. НИАБ. – Фонд 300. – Оп. 1. – Д. 63.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 1932. – Оп. 8. – Д. 6.
4. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 49 069.
5. НИАБ. – Фонд 2795. – Оп. 1. – Д. 636.
6. РГВИА. – Фонд 2000. – Оп. 1. – Д. 1917.
7. РГВИА. – Фонд 1932. – Оп. 8. – Д. 14.
8. РГВИА. – Фонд 1932. – Оп. 1. – Д. 134.
9. РГВИА. – Фонд 1932. – Оп. 1. – Д. 7.
10. НИАБ. – Фонд 2053. – Оп. 1. – Д. 47.
11. Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности / В.Н.Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 536 с.
12. РГВИА. – Фонд 1915. – Оп. 4. – Д. 3.
13. НИАБ. – Фонд 2537. – Оп. 1. – Д. 250.
14. Савицкий, Э. М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 гг.) / Э. М. Савицкий; науч. ред.: К. И. Шабуня; Акад. наук Белорус. ССР; Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1981. – 182 с.
15. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 48 806.
16. Документы и материалы по истории Белоруссии: в 4 т. – Т. 3 (1900–1917). – Минск, 1953. – 1020 с.
17. РГВИА. – Фонд 2000. – Оп. 1. – Д. 1836.
18. Зайончковский, А. Мировая война 1914–1918 гг.: в 3 т. / А. Зайончковский. – Т. 1: Кампании 1914–1915 гг. – М.: Воениздат, 1938. – 382 с.
19. РГВИА. – Фонд 2000. – Оп. 1. – Д. 1852.